

ИГОРЬ ПЧЕЛЬНИКОВ:

У каждого – свой крестный путь...

Недавно в зале журнала "Наше наследие" состоялась выставка живописных работ народного художника России Игоря Пчельникова – весьма впечатляющих картин на библейские и евангельские темы. Но Игорь ПЧЕЛЬНИКОВ не копирует знакомые иконописные образцы. Сюжеты Священного Писания о жизни и смерти Христа – лишь смысловой обобщенный повод для глубокого индивидуального и яркого живописного рассказа о драматических переживаниях, мучениях и страданиях современного человека. О нас с вами эти страстные, сильные, взволнованные картины "Несение креста", "Голгофа", "Испытание"...

– Я люблю древнерусскую живопись. Особенно фрески. Например, храма Спас-Нередицы в Новгородке, неистовое письмо Феофана Грека. Эти великие образцы и подсказали мне форму, стилистику, цветовую гамму и манеру выражения. Меня потрясает, завораживает умение древних мастеров достигать в своих работах драматизма, огромного внутреннего напряжения, глубинной мощи. И я стараюсь, естественно, по-своему, собственными выразительными средствами передать это в своих картинах. Прежде всего в цикле "Несение креста" – страшно и мужественном пути Христа на Голгофу. Эта тема – вечная, общечеловеческая, но она же и совершенно современная. Ведь каждый человек во все века должен пройти свой "крестный" путь, пронести свой крест. Эта тема всегда привлекала и будет привлекать художников, которые отражают в ней свое время и свое о нем понятие. И я – свое – такое сложное, трудное и смутное время.

– И выражаете, должен сказать, в острой форме. Например, в контрастном пластическом ритме. В трепетно мятущейся зловещей пурпурно-красовой цветовой гамме.

– Форма в искусстве для меня очень важна. "Несение креста" – это прежде всего контраст трепетного, живого тела, его поворотов и страшных изломов – и геометрического ритма креста, складок одежды, сопоставления тонов. Это мощный пластический художественный конфликт. Самая концентрированная пластическая форма.

– На выставке меня взволновала картина "Наверх". Но меж вами и лицом человека, упрямо карабкающегося по лестнице, есть несомненное портретное сходство. Не автопортрет ли это?

– Да, автопортрет. А лестница – это наша жизнь, в которой мы куда-

то стремимся, чего-то хотим достигнуть, что-то преодолеть, взобраться по каким-то ступеням. И здесь форма построена на контрасте человеческого лица и лестницы, которая как бы символизирует крест на нашем жизненном пути. Если "Несение креста" ведет к трагической Голгофе, то кажущаяся бесконечной лестница кончается смертью человека.

– Вы прошли по этой "лестнице" большой путь. Много уже сделали. Какое из своих произведений вы считаете наиболее значительным?

– Цикл картин "Сидящий". Я всегда вспоминаю знаменитую картину Крамского "Христос в пустыне". Вот эту же тему я разрабатываю в своем цикле. Это у меня не всегда Христос, но человек, мучительно задумывающийся над своей судьбой, над судьбой других людей. А форму мне подсказала пермская скульптура, изображающая размышления, мучения и "страсти" Христа. Вот одну из первых своих живописных картин "Сидящий" я и отнес бы к наиболее значимым в своем творчестве. Я неоднократно варьировал этот сюжет, разумеется, в разных ракурсах и под разными названиями, добиваясь оптимального смыслового, образного и живописного решения.

– Когда вы стали заниматься религиозной живописью?

– В начале 1980-х годов. Правда, сперва это были натурные работы, в основном интерьеры храмов. Цикл картин, относящихся к "Несению креста", появился позже. Но еще в советское время я показал несколько этих холстов на выставках в Москве и Ленинграде. Основной в моем творчестве эта тема стала в девяностые годы...

– Вы занимаетесь только станковой живописью?

– Нет. По первому своему образованию я – монументалист. Учился в

Московском институте декоративного и прикладного искусства, а затем на факультете монументальной живописи Ленинградского высшего художественно-промышленного училища имени В.И.Мухоморова, которое окончил в 1956 году. Много лет работал в монументальном искусстве. Вместе с женой Ириной Лавровой, ныне покойной. Принимал участие в росписях интерьеров Дворцов пионеров в Москве на Ленинских горах, в Свердловске, Темиртау, Орле, в живописном и скульптурном оформлении банкетного зала Советского посольства в Париже, украл фойе Драматического театра в Гродно, в Белоруссии, выполнил витражи в фойе Театра "Модерн", исполнил пространственные композиции из металла в Центре им. Вс.Мейерхольда. Сейчас работаю над проектом фонтана для площади перед Рижским вокзалом.

– Другими словами, работы у вас хватает. Поэтому живете вам, вероятно, вполне сносно?

– Нет. Живу, как и большинство художников, трудно. Потому что почти нет постоянной, гарантированной и хорошо оплачиваемой работы. Юсударство, которое раньше полностью обеспечивало нас заказами, теперь нам не помогает. Оно бросило нас на произвол рыночной и довольно жесткой судьбы. Что касается монументальных работ, то кое-что заказывает нам церковь, кое-что богатые владельцы роскошных особняков. Станковой же живописью не проживешь. Наш некогда богатый Союз художников России обеднел и еле-еле сводит концы с концами. Хуже того, он совершенно бесправен, потому что до сих пор не принят столь необходимый Закон о творческих союзах. Поэтому даже содержание мастерских превращается в очень болезненную проблему. Прежде всего из-за постоянного роста арендной платы, подчас непосильной для художников.

– К вам вопрос как к секретарю Союза художников России. Несмотря на большие трудности, вам удалось провести несколько больших зональных выставок, а недавно открыли в ЦДХ грандиозную Всероссийскую художественную выставку...

– Нам помогли местные власти. Хотя доставить работы в Москву на эту выставку, к примеру, из Владивостока и Хабаровска стоит огромных затрат. Но раз в пять лет мы обязаны сделать отчетную выставку в преддверии очередного съезда Союза художников России. Теперь он открывается 16 февраля в Суздале. На него соберутся делегаты, представляющие 13 тысяч членов нашего союза.

– Очевидно, на съезде будет затронут вопрос о состоянии художественного рынка, создании системы реализации работ художников. Без этого они не могут нормально прожить.

– Я не считаю создание художественного рынка панацеей для решения наших творческих и материальных проблем. Более того, я считаю его вредным для нашего искусства. Часто российские художники, работающие на Западе и даже сделавшие там себе имя, становятся как бы заложниками этой подчас вынужденной рыночной известности. И они уже теряют право на свободу творчества.

Лично я пишу что хочу и как хочу. Но этой своей живописью я, конечно, не проживу. Какой прок от этой столь рекламируемой свободы творчества, если она не может прокормить художника, обеспечить ему сносное существование? Вот почему я за государственную помощь, за государственные заказы.

Беседу вел
Евграф КОНЧИН

И.Пчельников. "Наверх". 2003 г.

ручьи 1999 - 2004 - 12-18 февр. - с. 10